

характерная семантизация смеха, отраженная сказкой и в еще большей мере — мифом. «Если с вступлением в царство смерти, — пишет Пропп, — прекращается и запрещается всякий смех, то, наоборот, вступление в жизнь сопровождается смехом ... Мышление идет и еще дальше: смеху приписывается способность не только сопровождать жизнь, но и вызывать ее».³⁷ Итак, смех Беса сопутствует перерождению Саввы, его позиционная обусловленность в структуре «Повести» не оставляет сомнения, что он имеет ритуально-сказочную природу. Но не забудем, что в «Повести» дьявольский смех получает отрицательное значение.³⁸ Христианство вообще знает лишь обращенную форму смеха. «В христианстве смеется именно смерть, смеется дьявол, хохочут русалки; христианское же божество никогда не смеется».³⁹

Таковы некоторые наиболее существенные атрибуты Беса в «Повести о Савве Грудцыне».⁴⁰

Предварительное испытание в «Повести» удвоено, распадается на две партии, с чем связана градация персонажей, оказывающих услугу Савве (Бес—Сатана). В дальнейшем ходе повествования «брат» Саввы провожает его в царство «древнего змия» — Сатаны. Пространственный статус этого царства (особенно на фоне топографически-достоверной пространственной организации всего произведения) в высшей степени своеобразен. Бес привел Савву «в пустое место на некий холм и показа ему в некоем раздole град велми славен — стены и покровы и помосты все от злата чиста блистая». И затем автор, влетая в речевую ткань «Повести» собственный голос, добавляет: «Оле безумия отрока! ведый бо яко некоторое царство прилежит в близости к Московскому государству, но все обладаемо бе царем московским» (стр. 242).

Уже по самому внешнему облику, так сказать, по материальной фактуре, царство Сатаны напоминает сказочный стандарт — золотое царство. Но есть здесь и менее явные моменты сходства. Получение сказочным героем волшебного средства приурочено, как правило, к специфически-изолированному пространственному участку (в частности, к лесному дому Яги). «Как бы ни называлось место, куда попадает герой, оно обладает одной общей для всех вариаций чертой: оно отрезано от мира ... Ему присущи черты некоторой ирреальности. Это далекие страны ... Вместе с тем, однако, это далекое и таинственное место (иногда в одном и том же тексте) оказывается совсем близким».⁴¹ Все вышеперечисленные Проппом особенности той художественной площадки, где сказочный герой проходит испытание (ирреальность, наличие амбивалентного признака *дальность/близость*, *отграниченность*), а также значение этого участка пространства,

³⁷ В. Я. Пропп. Ритуальный смех в фольклоре. (По поводу сказки о Несмеяне). — Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук, вып. 3. Л., 1939, № 46, стр. 158.

³⁸ Ср. дьявольский смех в пермской сказке: «А молодец ответил: „возьми меня в кумовья!“ ... Сказал старик: „Отойди ты от меня, нечистой дух! я и то в грехах потонул без тебя. Какой ты мне кум?“ — То он захохотал, этот молодец, пошел от ево в сторону, а старик пошел дорогой» (Д. К. Зеленин. Великорусские сказки Пермской губернии. Пгр., 1914, № 15. Далее: Зеленин).

³⁹ В. Я. Пропп. Ритуальный смех..., стр. 164; со ссылкой на слова художника А. А. Иванова в разговоре с Тургеневым: «Христос никогда не смеялся».

⁴⁰ Остроумное толкование одного из атрибутов Беса дает Скрипиль: «Исключительно интересной становится „конная площадь“, на которой „обитает“ названный брат Саввы — бес „ради конных покупок“. Здесь бытовым покровом прикрыт античный ипподром, который населяла бесами пуританская фантазия христиан первых веков новой эры» (Скрипиль, 1936, стр. 150).

⁴¹ В. Я. Пропп. Эдип в свете фольклора. — Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук, вып. 9. Л., 1944 (1945), стр. 160.